

**Nomination „admiration“ in the Russian linguistic world-image
(based on dictionaries and Russian National Corpus)**

Key words: cultural linguistics, emotions, lexicology, lexicographics, linguistic world-image.

In the article the notion “admiration” is considered from the linguistic and linguoculturological angle; an attempt is made with the help of the authoritative Russian dictionaries and Russian National Corpus to analyse this nomination in reference to its semantics and compatibility; trace the dynamics of the meaning system and frequency of use and define its place in the Russian linguistic world-image.

УДК 81:1

А. Ю. Коробов-Латынцев
Донецкое высшее общевойсковое командное училище
e-mail: a.k-1@mail.ru

О возникновении русского философского языка

Ключевые слова: философский язык, философия языка, русская философия, родной язык.

В статье дается характеристика русского философского языка. Рассматривается вопрос о связи языка философии и философией языка. Утверждается, что философия языка занимается народным языком, но не языком философии, поэтому для рассмотрения собственно философского языка и его типов необходима отдельная дисциплина.

В начале XIX века в России еще не существовало собственного оригинального философского языка. А. С. Пушкин отмечал это: «метафизического языка у нас вовсе не существует». Самобытный «метафизический язык», или язык философский, т. е. такой язык, при помощи которого возможно размышление о философских вещах и который был бы адекватен своему предмету, возникает вместе с оригинальной философией. Такая философия питается от родной почвы, а следовательно и от родного языка. Таким образом, в вопросе о возникновении русского философского языка мы сразу же открываем диалектику между философской мыслью и языком, при помощи которой она выражается [6, 136].

Язык несет в себе мудрость. В. В. Библихин писал, что ум языка прям и неведом нам по существу, «в нем мудрость самой земли, которой глупость не противоположна. Надо заглянуть туда – странно сказать куда: в то, что мы сами говорим каждый день. Могло ли такое случиться, что суть говоримого нами проходит мимо нас, что язык без нас несет что-то свое?» [1, 66]. Но мудрость языка не есть философия. Вот почему философия языка не занимается языком философии, т. к. язык философии выговаривает философию, но не мудрость языка, которую выговаривает язык. Чтобы исследовать язык философии, по идее нужна соответственно философия языка философии. Однако в дисциплинарной матрице философии такого подраздела нет и никогда не существовало, и в каком-то смысле в нем не никакого нужды. Разумеется, философия не может вообще не обращать внимания и не считаться с мудростью языка, с тем, что несет в себе язык сам по себе, ибо она не может не обращать внимания и не считаться с языком, который является для нее почвой. Родной

язык – почва философии, *но зерно философии*, само это философское зерно, прорастающее в родной почве языка – откуда оно? Разве из почвы оно? Кто его уронил, забросил к нам? И не забрасывается ли оно в мир вместе с человеком, вслед ему или даже чуть раньше его, так что затем само находит его в мире?..

Это философское зерно есть иное для почвы (клад и есть иное, ибо его зарывают), и хотя оно усваивает все соли и минералы почвы, в которую оно упало, хотя оно возвращается в этой почве, тем не менее вырастает из этого зерна цветок, совсем не свойственный этим местам, и стремится он вверх, к небу, туда, откуда он упал. Он стремится преодолеть почву, пусть и родную, но тем не менее здешнюю, тянущую его вниз, к себе и к своей мудрости. Точно так же и философский язык, хотя и усваивает в совершенстве язык почвы, родной национальный язык, все равно борется с этим родным языком, стремясь вырваться из него, из родного к вселенскому. Этот «язык, – как пишет Вл. Варавя, – исходящий из корней Бытия, написанный кровью, светом и болью; язык, добытый подвигом хождения по родной земле, по отчому краю, по конечным структурам сущего, по тому месту, где произошло чудо явленности каждого в мир» [2, 36], этот самый язык несет в себе нечто, что хочет вернуться к корням Бытия. Несет в себе нечто или сам является этим нечто? Если философия никогда не говорит своим собственным чистым языком, то не значит ли это, что язык философии есть сама философия? Именно так утверждал Мартин Хайдеггер, который прозрел уникальную диалектику Бытия как почвы и как неба. Как почвы, из которой исходит язык, как неба – к которому язык стремится после своего исхода. Так же, как и человек!

Смотря на философский язык сугубо эмпирически, мы теряем эту диалектику и падаем в пессимизм по поводу возможности национального философского языка и национальной философии и как следствие по поводу философии вообще. Как пример такого пессимизма можно привести профессора А. Г. Дугина. Когда он в своей книге о возможности русской философии задает вопрос: «если философия связана со структурой языка, то почему такой большой и культурно самобытный сегмент индоевропейцев, как славяне, способные построить, защитить и увеличить мощные независимые державы, не выработали чего-то даже отдаленно похожего на философию других индоевропейских обществ, находившихся под их влиянием?» [4, 38] – то он игнорирует как раз эту диалектику между почвой и небом, между почвой и зерном, между почвой языка и его почвенной мудростью – и тем философским зерном, которое, прорастая в этой почве, деформирует её и преобразует. Философия связана со структурой языка, но эта связь очень непроста. Она есть – это наверняка. Но что первично? Или, иначе, кто кого выбирает – язык философию или философия язык? Вообще – нужен ли этот вопрос? Ведь если мы констатируем факт беспочвенности философии как таковой или вброшенности её в мир вместе с человеком, то нам совершенно без разницы, в какой почве философия вырастает и с каким языком имеет дело, ибо внутри любого национального языка философия будет стремиться вырваться – выразить универсальную Истину.

Интерес представляет мысль другого современного отечественного философа Федора Гиренка. Поскольку для Гиренка язык не дом бытия, а только проходной двор, постольку мысль для него не зависит от языка. «Мысль подчинена логике. Язык подчинен грамматике. Из грамматики языка, как из скорлупы, нужно учиться извлекать мысль, если она в нем есть. Мысль не зависит от языка. Если бы она зависела от него, то тогда с изменением языка менялась бы и мысль. Но языком измененная мысль перестает быть мыслью, ибо она теряет тождество с бытием, приобретая тождество с языком. Слова и язык не играют никакой роли в механизме мышления», «Бытие – не в грамматике языка, а в мысли» [3, 13]. Гиренок утверждает, что язык – «всего лишь репрезентация в слове того, что уже было сделано умозрением в красках во времена первобытного шизофреника» [3, 95], потому язык вовсе не дом бытия, и, лишаясь поддержки языка, мы ничего не теряем, «ибо нас поддерживает выходящее за его пределы озна-

чающее себя означаемое» [3, 144]. «Язык – это, конечно, не дом бытия, а проходной двор, прибежище для ничто» [3, 271]. Бытие сталкивается с этим ничто в языке, а результат этого – отделение познания о познаваемом, сознания от сознаваемого, разрыв между человеком и тем, что он сознает. Сознание становится предметным, и хотя Гиренко подробно не раскрывает эту свою мысль, она весьма напоминает объективацию Бердяева. Надо полагать, что такой раскол в сознании не устраивает философа, поэтому он пишет: «Для того чтобы понять сознание, нужно срезать его языковой нарост. . . . Сознание без «о» становится неозначенным и беспредметным» [3, 334]. Однако в итоге Гиренко приходит к выводу, который не подтверждает его предыдущие рассуждения о языке, который не несет в себе ничего, но наоборот, ставит лишь вопро Каждое слово, пишет философ, это жук в коробке. «А поскольку никому нельзя посмотреть на жука, постольку все думают, что жук – это то, что у него в коробке, и с этой мыслью вступают в социальную коммуникацию. Но то, что находится в коробке, вообще не принадлежит языку» [3, 335]. Почему не принадлежит? Ежели мы не знаем, что на самом деле находится в коробке, значит, для нас остается тайной также и происхождение того, что в ней находится. Однако Гиренко на протяжении всей книги рассуждал как раз о том, что язык выражает такие вещи, которые открываются уже доязыковым сознанием, потому здесь очевидно противоречие, о котором автор говорит в последних сроках своей книги: «Начиная писать эту книгу, мне казалось, что я понимаю кое-какие вещи. Заканчивая работу над ней, я понимаю, что оказался в сумеречном лесу, выбраться из которого нет никакой возможности» [3, 335]. Действительно ли нет никакой возможности выбраться из этого сумеречного леса? И – надо ли выбираться? Философия не есть ли такой бесконечный сумеречный лес, из которого философу нет никакой возможности выбраться, но из которого он и не стал бы выбираться, предстань пред ним такая возможность?

Итак, у нас есть философский лес, по которому бродит философ. Объективно этот лес растет, и за годы странствий картографию его приходится переделывать. Гиренко настаивает на том, что эта картография должна быть дословна, т. е. вообще не должна быть составлена, но всегда должна оставаться составляющейся. Ф. И. Гиренко в своей книге «Пато-логии русского ума. Картография дословности» [4, 17 – 18] как раз рисует столкновение слова и дословности, которое сильно в русской философии. Русский философ стремится к дословности, этим объясняется тяготение русских философов к несистемному типу философствования. Такая картография – философская система, которая никогда не будет завершена как система, но будет раз за разом начинаться и заново проговариваться в каждом философском акте. Иными словами, выбраться из леса, в который нас завел Гиренко, нет необходимости, поскольку нахождение в нем предполагает сама его философия языка и сознания.

Однако есть ли возможность выбраться из леса? Да, и именно такую возможность обнаружила философия языка. Чем занимается философ языка в нашем философском лесу? Изучением почвы. Изучением того, что зарыто в той почве, на которой растет ле Так называемый лингвистический поворот в режиме этой метафоры представляет собой отказ от геологических исследовательских работ по обнаружению почвенной мудрости языка и стремление выйти поскорее из леса, дабы изучать структуру и свойства почвы, свободной от философской растительности, сидя в аккуратной и хорошо освещенной филологической лаборатории. Но такие исследователи неизбежно теряют философию и уходят в лингвистику. Они раскапывают и перекапывают язык, вместо того чтобы самим вкапываться в него. Бибихин писал, то язык задевает нас больше, чем мы думаем, и что «принять от него обиду, когда он нас разоблачает, большая удача» [1, 196]. Что значит принять обиду от языка? Не значит ли это столкновение мудрости языка с философской мыслью? И как тогда может претерпеть обиду от языка лингвистический философ, который разбирает язык как структуру, как грамматику? Как тогда язык может разоблачить его, ежели такой философ не сталкивается напрямую с тем, чем нас может задеть язык?

Так, например, одна из самых значительных проблем в философии языка – это проблема переводимости с одного языка на другой, и здесь мы всегда сталкиваемся с двойной проблемой. Во-первых, при переводе с одного языка на другой, например, с немецкого на русский мы всегда сталкиваемся с непереводаемыми оттенками смыслов, с концептами, свойственными этим языкам, одним словом – с различием языковых мудростей: немецкий язык мудр иначе, чем русский. Во-вторых, при переводе с одного языка на другой, например, с художественного языка на научный, мы сталкиваемся с непереводаемостью мысли, которая слита со своею формой. Эту проблему очень метко подметил Хайдеггер, когда, разбирая подробно философию Ницше, предостерегал извлекать из Заратустры некую «теорию»: «легко можно решить, что перед нами философская мысль, выраженная поэтически, однако в ракурсе расхожих представлений нельзя решить, где здесь поэзия, а где собственно мысль, потому что это заново определяется самим произведением или же только возвещается» [7, 250]. Та же проблема становится еще более очевидной на примере «духовного брата» Ницше – на примере Достоевского, которого переводят на языки науки, на философский язык: определить, где здесь мысль, а где художественное оформление, еще труднее. Но главное, что в зазоре этой проблемы мы всегда сталкиваемся с самим языком и с его мудростью, которая может нас задеть. Но задевает ли она нас?

Задевание мышление мудростью родного языка является одним из начал подлинного и самобытного философствования, без этого невозможно представить себе национальную философию. Собственно, любая оригинальная философия – это философия национальная, оригинальность которой определяется взаимодействием с родным языком, из чего и выходит феномен философского языка.

Литература

1. Бибихин, В. В. Слово и событие. Писатель и литература. Отв. Ред и сост. О. Е. Лебедева. – М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – С. 416
2. Варава, В. В. Живущих и умерших встретить. О творчестве и отчем крае писателя Виктора Будакова. – Воронеж, 2007. – С. 126
3. Гиренок, Ф. Аутография языка и сознания. – М. : Летний сад, 2012. С. 336
4. Гиренок, Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М. : «Аграф», 1998
5. Дугин, А. Г. Мартин Хайдеггер: Возможность русской философии. – М. : Академический проект; Гаудеамус, 2011. – С. 512
6. Коробов-Латынцев, А. Ю. К типологии языков русской философии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). С. 136 – 143.
7. Хайдеггер Мартин. Ницше. Том 1. Пер. с немецкого, А. П. Шурбелева. – СПб. : «ВЛАДИМИР ДАЛЬ», 2006. – С. 608

A. Yu. Korobov-Latyntsev

Donetsk higher military command school

e-mail: a.k-l@mail.ru

About the origin of the Russian philosophical language

Key words: philosophical language, philosophy of language, Russian philosophy, mother language.

The characteristic of the Russian philosophical language. Examines the question of the relationship of language philosophy and philosophy of language. Argues that the philosophy of language is engaged in the language of the people, but not the language of philosophy, therefore, for the consideration of the actual philosophical language and its types requires a separate discipline. Such discipline, however, at the moment does not exist.